

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 165.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-1

Пружинин Б. И.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОРИЕНТИР НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва 109240; журнал «Вопросы философии», Нахимовский пр., д. 47, Москва 117418, Российская Федерация; *prubor@mail.ru*

Аннотация. В статье обсуждается комплекс методологических вопросов, порождаемых процессами фрагментации предмета научного исследования. Эти процессы захватывают сегодня различные области современной науки. Прежде всего, они обнаруживаются в междисциплинарных исследовательских программах, предполагающих участие дисциплин с различными языками и методами и, к тому же, ориентированных на прикладной результат. Кроме того, процессы фрагментации предметности возникают в исследованиях, выполняемых большими научными сообществами, то есть коллективным субъектом познания, где отдельный ученый имеет доступ лишь к отдельным частям (аспектам) изучаемого предмета и в силу целого ряда технических причин лишен доступа к познаваемой реальности в целом. Между тем, ученый, как это предполагалось фундаментальной установкой науки, должен критически относиться ко всему, что не может быть подвергнуто испытанию в его индивидуальных рациональных практиках. В современной науке изменились сами эти практики. Всё это стимулирует релятивизацию фундаментальных эпистемологических установок, размывающих самые основания культурного статуса науки. В статье отстаивается тезис о том, что противостоять этим веяниям можно, обратив методологическое сознание к культурно-историческим измерениям научной деятельности и акцентировав значимость лежащей в основании этих измерений идеи преемственности научного познания.

Ключевые слова: философия науки; преемственность; эпистемология; история; научное познание

Для цитирования: Пружинин Б.И. Преемственность как культурно-исторический ориентир научного познания // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 4-15. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-1

B. I. Prizhinin

CONTINUITY AS A CULTURAL AND HISTORICAL
LANDMARK OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow 109240, Russian Federation; Journal of Philosophy, 47 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation; *prubor@mail.ru*

Abstract. The article discusses a complex of methodological issues generated by the fragmentation of the subject of scientific research. These processes today capture various fields of science. First of all, they are found in interdisciplinary research programs implying the involvement of disciplines with various languages and methods and, moreover, oriented towards an applied result. In addition, the processes of fragmentation of subjectivity arise in research carried out by large scientific communities, i.e. the collective subject of knowledge, where the scientist has access only to certain parts (aspects) of the studied subject and, for a number of technical reasons, is deprived of access to the knowable reality as a whole. Meanwhile, the scientist, as suggested by the fundamental scientific attitude, should be critical of everything that cannot be tested in his/ her individual rational practices. In modern science, these practices themselves have changed, which is in the center of the attention of philosophers of science. All this stimulates the relativization of fundamental epistemological attitudes, eroding the very foundations of the cultural status of science. The article advocates the thesis that one can resist these trends by turning the methodological consciousness to the cultural and historical dimensions of scientific activity and emphasizing the importance of the idea of the continuity of scientific knowledge underlying these dimensions.

Keywords: philosophy of science; continuity; epistemology; history; scientific knowledge

For citation: B. I. Prizhinin (2019), “Continuity as a cultural and historical landmark of scientific knowledge”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (3), 4-15, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-1

В современной науке всё чаще возникают ситуации, когда отдельный ученый работает лишь с фрагментом исследуемой предметной области. Причем такого рода фрагментация исследовательской деятельности становится сегодня, если угодно, трендом наиболее продвинутых направлений современной науки. А между тем, она порождает целый ряд весьма острых методологических проблем, затрагивающих самые основания научно-познавательной деятельности. В частности, ученый, работающий в рамках научного коллектива с отведенным ему фрагментом исследуемого предмета, как правило, лишен возможности

непосредственно оценить, насколько воспроизводимы, а стало быть, допускают критическую оценку результаты познания данной предметной области в целом. Ученый теряет ощущение соотнесенности получаемого им знания с реальностью; в его опыте знание *семантизируется* как некая конструкция, истинность которой как будто распределяется внутри научного сообщества и существенным образом зависит от его социально-прагматических доминант (Пружинин, 2019). Наличие разных научных коллективов (сообществ), исследующих данную область реальности, наличие разных концептуальных установок у раз-

ных научных школ и направлений порождает представление о релятивности знания, что в свое время прекрасно описал Томас Кун.

Особенно ярко такого рода эпистемологические ситуации проявляются в контексте прикладных исследований, требующих междисциплинарного взаимодействия (их удельный вес и значимость непрерывно *нарастают* в современной науке). Здесь фрагментарность исследовательской работы блокирует внутринаучную коммуникацию, становится своего рода экзистенциальным порогом самой ее возможности: возникают проблемы понимания, непереводаемость языков различных дисциплин и пр. (Galison, 2003; Пронских, 2018).

Подобные изменения, происходящие в различных научных практиках, методологически осознаются как проблематизация коллективного познания – науку словно бы покидает индивидуальный субъект познания. Не буду оспаривать неизбежность этого процесса. Но всё же думаю, что суть происходящих изменений не может быть сведена к одной только коллаборации. Очевидно, когда научная институция работает над заданной проблемой, предмет исследования в его целостности оказывается недоступным большинству участников проекта. Но это не означает, что каждого из них по отдельности можно просто игнорировать как индивидуального субъекта познания (во вполне традиционном смысле этого гносеологического термина). На мой взгляд, в таких ситуациях особое значение приобретает историческая определенность научной деятельности, компенсирующая ее нарастающую фрагментарность. В каждой частной познавательной ситуации, в так или иначе реализуемой конкретной исследовательской программе вполне возможно методологическое осмысление, так сказать, ее ситуативного историзма, ее внутренней исторической связности, программно задаваемого в ней исследования (даже в кратких пределах динамики ее ситуативной реализации). Там, где есть преемственность,

где в изменениях присутствует преемственная связь, историческое сознание дает себя знать внутри самого познания.

Сорок лет назад я написал статью о природе преемственности в научном познании социальных явлений (Пружинин, 1979); сегодня мне представляется, что многие ее положения вполне могут быть проецированы и эффективно использованы для методологического анализа проблем фрагментаризирующейся «коллективной науки». Поскольку наука ныне стала социальным институтом, осмысление преемственных связей внутри нее – необходимое условие для адекватного понимания проблем современной научно-познавательной деятельности. Прошлые состояния науки, во всей их совокупности, влияют на ее будущее; наука в ее институциональности предстает как деятельность сменяющих друг друга поколений с запечатленными в самой этой деятельности следами прошлого, или, иначе, – как познавательная реальность, современность которой всегда исторична. При этом институциональность науки не сводима к «чистой» социальности; науку в ее институциональной преемственности делают люди, отзывающиеся на прошлое, так или иначе идущие ему вослед. Поэтому и сорок лет назад, и теперь для меня важно констатировать, что «проблема влияния прошлого есть также проблема его осознания – проблема формы, в которой прошлое выступает в сознании людей как нечто необходимое и определяющее направление их деятельности» (Пружинин, 1979: 321–322).

Стихийно складывающийся тип такого влияния прошлого – традиция, или обычай. Рефлексивное, сознательное отношение к влиянию прошлого в науке с необходимостью полагает это прошлое как культурно-историческую реальность научной деятельности. А обращение к прошлому – исторически осознаваемая преемственность – в науке структурируется, прежде всего, методологически. Познавательные усилия ученых, создававших классическую механику,

являются методологическим условием появления квантовой механики и должны, так или иначе, осознаваться в качестве необходимых (культурно-исторических) условий динамики познания. История научного знания, научных личностей и форм мысли образует фактический континуум, в котором, на мой взгляд, только и становятся возможными современные фундаментальные научные разработки.

В методологическом самосознании ученых прошлое проступает как условие реализации их познавательных целей. Настоящее в их наличной работе обращено к прошлому как к некоему результату деятельности прежних поколений, который исторически рационализирует, делает «разумными» вновь возникающие цели научной деятельности, уточняет обстоятельства их достижимости (в чем, к слову, и заключается смысл фундаментальной экспертной оценки, направленной на осмысление перспектив прикладных междисциплинарных разработок).

Конечно, эмпирическая история науки отнюдь не линейна; будучи вполне «человеческой», гуманитарной, она воплощает и преобразует в нечто единое хаос индивидуальных волей. Вместе с тем, деятельная преемственность, создающая результативное целеполагание в науке, требует значительной личной концентрации. Безлично-формального, сугубо логического обоснования необходимости нового целеполагания недостаточно; имплицитные культурно-исторические начала прошлого в научном познании требуют развития некоторой целостной, если угодно, феноменологической аргументации – требуют осознания подлинно разумной, личностно достоверной необходимости следования вновь устанавливаемым целям. Прошлое здесь демонстрирует и благие последствия, наступившие в случаях следования истинным целям, и печальные – при следовании ложным. Собственно, сама преемственность и является феноменом индивидуального сознания ученого, в котором закладываются основания единства его «призвания

и профессии», смыкаются его исторически предположенная идентичность как ученого и понимание того, что ученые, стремящиеся к реализации определенных познавательных целей, не всегда действуют достаточно профессионально. Преемственность, таким образом, имеет ориентирующий смысл, является именно культурно-историческим ориентиром познания как деятельности, в которой истинные цели ученых существуют с необходимостью.

Надо сказать, что поиски исторической преемственности в научном познании всегда так или иначе присутствовали в философско-методологической рефлексии ученых. Мне представляется вполне актуальным последовать в размышлении об этом за обстоятельным, феноменологически осмотрительным Г.Г. Шпетом: *«История науки должна идти рука об руку с историей философии, и обратно. Но все же – это не одно, и они не должны сливаться. В Истории истории философии мы видели, как она выбрасывала целые отделы по мере того, как росла она сама, и в то же время самостоятельно росли эти отделы (истории наук). И эти отделы были: история физики, космологии, биологии, социологии, психологии. Но это выбрасывание не только результат естественного роста соответствующих наук, но и самой истории философии (вопрос объема), а и по существу: разница в методах! Она не заметна при сравнении истории философии с историей каждой отдельной науки, но заметна, если последние объединить – как одно: научная мысль вообще. Оказывается, что метод истории философии ближе к методу истории отдельной науки, например, к методу истории математики, чем к методу истории наук и научной мысли вообще. И это будет тем заметнее, чем меньше история философии будет отождествляться с историей метафизики. История философии как знание более подобна истории математики!»* (Шпет, 2010: 325). Таким образом историческая компонента, так или иначе, присутствовала в познании в разные периоды развития

науки, присутствовала в деятельности ученого с некоторой высокой методологической точностью, образуя по существу некое неустранимое основание его индивидуального сознания. И фактически, именно она всегда была культурным ориентиром личного участия ученых в познавательном процессе. В значительной мере она реализовывалась именно в философских формах, о чем, как показывает Г.Г. Шпет, свидетельствует и история науки, и история философии.

Напомню довольно хорошо известный пример: к середине XVIII в. естественные науки обратились к исследованию «истории природы»; прошлое проявляло себя здесь в виде некоторого ренессансного следа, – но как? Под «историей» Ж.-Л. Леклерк (Бюффон), французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель, автор «Всеобщей и частной естественной истории», понимал приходящее в единство множество прошлых представлений о природе – их систематическое умозрительное упорядочивание. Для античности было неактуальным сопряжение теоретического исследования природы («естественной истории») как субъективной данности в ее противопоставлении объективно существующей природе. Плиний Старший и вся античность созерцала сущность вещи как нечто «телесное», непосредственно необходимое в ее проявлениях. В новоевропейской культурно-исторической реальности науки, напротив, объект представлял в некоторой «ясной и отчетливой» последовательности логических действий, которая предполагала объект исследования представимым в мышлении (сопряженным со схематическим представлением предметности, фиксирующим этапы и необходимое направление ее становления). Но это представление в мышлении оказывалось преображенным следом античной философии природы, предполагавшей бытие космоса, творящего самое себя и при этом остающегося неизменным. Обращение естествознания к «истории природы» возвращало сознание ученых к преемственности в развитии науки, к пониманию преемственности

предпринимаемых ими познавательных усилий. Прослеживание истории природы, в какой бы форме это ни происходило,ставляло субъекта научного познания учитывать познавательные усилия предшествующих поколений, тех, кто собирал сведения о звездном небе, наблюдал эволюцию природных процессов и т. д.

Другой пример из того времени – исследование истории человечества. Эта исследовательская работа велась в довольно широком диапазоне – от сличения законов истории с законами природы (физико-механическими или даже физиологическими) до определения их в собственной их автономии, провиденциальной или духовной (Блез Паскаль, как известно, предполагал даже параллелизм закономерной истории человека в обществе и историчности человеческой судьбы). В этой сложной поисковой работе различные линии преемственности концептуально пересекались и наслаивались друг на друга. Реальность теоретического целеполагания естественнонаучных вариантов истории (естественнонаучного понимания ее законосообразности) перекрывала реальность целесообразного человеческого действия, блокировала научно-историческое осмысление его специфических оснований. Усмотрение естественнонаучно понятого закона истории, его необходимого характера, оказалось несовместимо с теми историческими свидетельствами, из которых становилось понятно, что люди делают свою историю сами (как это провозгласил Дж. Вико).

Много позднее значение истории в формировании сознания ученого отмечал В.И. Вернадский. Он акцентировал внимание на том, что познание природы есть дело коллективное, но этот коллективизм держится на исторической преемственности поколений, которые своим индивидуальным усилием накапливают знание. «Для историка знания – размышлял он – современный момент представляет тот же интерес и имеет то же значение, какое для астронома имеет небесное явление, раз в сотни лет повторяющееся; он имеет даже большее

значение, так как в краткой – в космическом масштабе – жизни человечества человек не может наблюдать эволюцию космоса; он может лишь воссоздавать ее с большим или меньшим успехом в своих космогониях. Человечество живет в одной из стадий меняющегося космоса; оно наблюдает повторение астрономических явлений только в пределах этой одной стадии: ему доступна лишь одна небольшая часть цикла меняющихся явлений. Наоборот, в эволюции научной мысли человечества можно наблюдать смену самих стадий, охватывать эмпирически всю область изменяющихся явлений целиком» (Вернадский, 1993: 540).

История философии прорабатывала этот «историзм» научного познания по-своему – в горизонтах рефлексии рациональности его предпосылок, приведения их к некоторой методологической очевидности. На институционально несводимые условия этой очевидности весьма отчетливо указывал Р. Декарт: «...мы лучше разъясним, какова вообще природа всех существ в мире вещей, если сможем вообразить некоторые весьма понятные и весьма простые начала, исходя из коих, мы ясно сможем показать происхождение светил, Земли и всего прочего видимого мира как бы из некоторых семян; и хотя мы знаем, что в действительности всё это не так возникло, мы объясним всё лучше, чем описав мир таким, каков он есть или каким, как мы верим, он был сотворен» (Декарт, 1950: 510–511). Апелляция к лучшей познавательной ясности связывается здесь с практиками воображения всеобщих исторических начал – «весьма понятными» и «весьма простыми» онтологическими допущениями, которые, между тем, противопоставались «описанию мира таким, каков он есть» и «вере в то, каким он был сотворен». Это противоположение вполне исторично: в нем переслаиваются, преемствуют друг другу и актуализируются различные прошлые состояния рациональности; при этом само прошлое не лишено доверия, а только поставлено под

вопрос. В границах некоей «догматико-рациональной» (К. Фишер) преемственности реализовывались новоевропейские, картезианские потребности теоретического исследования природы.

Исходным пунктом в философско-космогонической гипотезе Канта было явно сформулированное допущение необходимости действия законов механики и в тех областях, которые были в его время познавательно достигаемы лишь с высокой степенью условности и при некотором неявном согласии с уже известным. Инвариантность гипостазируемой Вселенной (в рамках некоторого правильного рассуждения о ней) являлась для Канта основанием допускаемой необходимости. Логически неопределимое, не сохраняемое как необходимое в своей содержательности, по Канту, «внеаучно»; при этом необходимость как инвариантность законосообразного является неким граничным условием научного знания.

Для современного естествоиспытателя очевидностью является историческая обусловленность законов, след прошлого в них. А будущие законы, как кажется, будут иметь иную, большую общность по отношению к исследуемому миру природы и миру знания. При этом искомый и познавательно обретаемый закон неизменен в логическом отношении, он с необходимостью сохраняет некоторую последовательность состояний объективированной природной реальности. Однако историзм этой очевидности скрыто натуралистичен: изменения объекта оказываются безоговорочно подчинены требованию сохранения присущих ему характеристик. В этом случае преемственность рационализируется как некая «трансцендентальная» форма необходимости – императив соблюдения рационально вышколенного целеполагания, следования известным разумным целям; отклонение же от известной, общепринятой линии рационального целеполагания оказывается следованием ложным целям, предрассудком или нарушением преемственности.

В «долгом» XIX столетии эта ситуация рационально переопределяемой преемственности становится, по существу, центральной проблемой *историзма* научного знания. Преемственность здесь связывается с потребностью в историзации научно-познавательного опыта, неким предпосылочным основанием радикализации субъективного момента в научном знании. А в основании радикализации этого момента лежало понимание недостаточности исключительно логических действий для оценки познавательных смыслов, вновь открывающихся в объективированном и вполне рациональном пространстве науки.

Натурализм, таким образом, являлся своего рода познавательным настроением, стилистико-эпистемологической установкой на преодоление субъективности, и обращение к прошлому здесь связывалось с необходимостью следования этой установке, оказывалось средством познавательного самоочищения субъекта и десубъективации закона. Но в результате в состоянии некоторого когнитивного напряжения попадало действие закона в истории и эмпирическая история науки. В эмпирической научно-познавательной деятельности преемственность исключает равномерное следование закону, который, предполагалось, определяет историческое движение науки в некотором ее теоретически представляемом целом. Под вопросом оказывалось, собственно, отношение теории и эмпирии, деятельный момент этого отношения и, соответственно, семантика его необходимости.

Между тем, исследование, которое относится к прошлому как некоему познавательному подспорью, ищет в прошлом инструменты для реализации повсюду рациональных, обновляемых или возникающих вновь, замыслов, преобразуется в исследование, имплицитное прошлому некую субъективно значимую процессуальность – возникновение и развитие различных форм научного знания, которые возникают в констелляциях познавательных интересов ученых-исследователей. Эта процессуальность, в свою очередь, означает социальное

понимание науки как института, в котором в определенном отношении друг к другу находятся различные группы и лица – звенья целостного научно-исторического образования, смыкающиеся поколения. Так возникает новая историко-методологическая позиция: содержательность исследовательских устремлений, их собственная законность с необходимостью проступает сквозь процессуальность науки как переплетение связей и причинных отношений, проявляется и опознается как определенное историческое качество научного знания, с его имманентным «прошлым». «Прошрое», таким образом, собирается в некое целое социально-исторических предпосылок (из разрозненности предполагаемых свободных познавательных целей субъекта познания), что дает себя знать с некоторой новой исторической определенностью.

Потребность обращения к прошлому содержится в самой научно-познавательной *деятельности*; требование сохранять прошлое в его исторических следах и последствиях коренится в деятельно осуществляющейся идентичности ученых, в их деятельно разнообразных (в том числе жестких, конфликтных) соприкосновениях. Преемственность здесь можно усматривать как неявную культурно-историческую форму никем не отрицаемой необходимости деятельного научного познания – в субъективно прихотливых обращениях к прошлому, в своеобразных целях отдельных ученых, вытекающих из прошлого «истории», совмещающихся и конфликтующих друг с другом. Из этого, между прочим, следует, что и самому «действию закона» в *познаваемой* действительности (которая осуществляется в столкновении познавательных интересов) присуща именно культурно-историческая определенность. Неоднозначность действия закона является именно познавательным способом его действия, что ставит под вопрос натуралистическую концепцию закона в научном познании.

Обстоятельное осмысление трудностей, которые возникают при последова-

тельном принятии натурализма (натуралистической концепции закона), предпринял уже Им. Кант. Трактую познавательную глубину закона, он полагал, что ситуация *выбора*, которая возникает в отношении различных логически допустимых характеристик *закономерно* познаваемой реальности, требует учета всех параметров и условий того процесса, в котором эта реальность дает себя знать. Пытаясь осуществить это требование, исследователь всякий раз попадает в антиномический тупик и вынужден вводить критерий познавательной перспективы – *результата*, к которому стремится закономерно познаваемая реальность. Эмпирическое предположение неизменного закона достигает тем самым своей полноты в мысленной реконструкции истории познаваемой, объективируемой реальности. Имманентное целеполагание, которое мотивирует натуралистическую концептуализацию, позволяет учесть в некотором систематическом, эпистемологическом единстве *практику деятельного и действительного воссоздания* той познаваемой реальности, которая была объективирована при помощи натуралистической концепции закона познания. Природа, которая рассматривается с точки зрения целого, требует единства целеполагания. Категория цели, по Канту, является надлежащей перспективой нашего разума, который осмысливает в некоторой прямой или обратной, трансцендентальной последовательности связность всех вещей в мире. Перспектива этой связности определяется исторически – в ходе ее полагания объективируется историческая мерность познаваемого и познания, единое историческое направление изменений познаваемой реальности.

Целеполагание отнюдь не замещает и не исчерпывает основания продуктивного научного исследования, но уточняет его историчность как становящегося познаваемого целого, которое, строго говоря, не доказано с необходимостью, а предпослано – является следом некоторой прошлой рациональности (предполагает некий закономерный результат там, где он *должен*

быть). Это, разумеется, исторично, но Кантово размышление об этом позволяет обнаружить не только то, что мысль о целостном познании находится на границе с вне-научным предположением целостности бытия. Здесь есть и другое: в деятельности познающего субъекта обнаруживается неустранимый нормативный момент – целесообразная познавательная деятельность заключает в себе человеческое «воление» реальности, открывающейся в ее специфическом становлении (как познавательно становящееся целое). Исследуя эту *идею*, ее принципиальную преемственность (или логически верифицируемый историзм преемственности), Кант от указания на историзм необходимости, выступающей в сознании ученых, переходит к осмыслению того, как *практически* действует необходимость в истории по мере ее познавательной объективации. Эта необходимость не принадлежит всецело субъекту познания как подбаивающая ему его трансцендентальная граница. Субъект познания, пытливый теоретически, допытывающийся до некоторого трансцендентально необходимого, изначально помещается в некотором игровом, «сферичном» пространстве целеполагания. Практика, таким образом, обеспечивает полноту целеполагания – «идеальную» сферу, в которой распределяет свои познавательные силы познающий субъект. Он находится в некоторой свободной позиции по отношению к целям природы, которые он с необходимостью предполагает; и его мышление, адресующееся к необходимости, таково именно потому, что оно не может в своем развертывании охватить природу как целое, но полагает ее как некую направленную рациональность. Необходимость как бы компенсирует недостаточность теоретического разума, обращая его к объективируемому содержанию сознания, способствуя преодолению его субъективной ограниченности.

Субъекту познания жизненно присуще, «прирождено» умозрение – способность усматривать, укреплять и развивать в своем сознании целостное представление

о реальности. Такая теоретическая позиция, в свою очередь, становится возможной по мере преодоления субъектом познания своей ограниченности благодаря своему субъективному целеполаганию («отражению» объективного целеполагания в осознании своей ограниченности). Эта экзистенциально подвижная субъективность в эмпирической истории познания может выглядеть как некое особое ее основание – релятивность. Но, возможно, лучше, следуя Канту, отнести к этой релятивности как эпифеномену идеального «целеполагания», как стилистическому моменту практической сферы свободного целеполагания. Субъект познания различным образом стремится к природному целому, выявляет его через уточнение объективных целей природы. Но эти различия в позиции субъекта не бесконечны; они имеют свою трудноопределимую меру познавательного настроения – как минимум, некоторый эпистемологический стиль, который позволяет направить познание на неизменное, на «закон» или «план» природы. И только в той мере, в какой удастся это сделать, свойственное субъекту познания свободное целеполагание отливается в идею логической необходимости, которая позволяет мыслить теоретически конкретно и целостно. Исторически необходимое, преемственное само по себе не может быть помыслено как чистая объективация; напротив, оно может быть только предположено – в способности познающего ставить цели, или, иначе, организовывать объективное содержание своего сознания в некоторых порядках преемственности. Все это как раз и предстает в виде «закона истории», который имеет общий вид опыта, открывающего для субъекта некую принципиальную возможность выбора направления действия, преемственного и вольного стремления к познавательно необходимому.

И. Кант отнюдь не натуралист; но он далек от того, чтобы отнести к натурализму наивно – связать его некоторым преодолеваемым прошлым, линейно и т.п. Его исследование натуралистической позиции

последовательно стремится к тому, чтобы выявить «закон истории» натурального мышления как некоторое положительное методологическое условие опыта, в котором отождествляется содержание закона и содержание познавательно деятельного сознания. Это содержательное тождество – область преемственной встречи целеполагания с необходимостью. Субъект познания не может воспроизвести содержание «закона истории» в некотором эмпирическом целом; он вынуждается к свободной постановке своих целей, которые, таким образом спланиваясь, ограничивают эту свободу.

В этом контексте уместными (и актуальными) становятся рассуждения Гегеля, решившегося помыслить эмпирическую историю как вторичную по отношению к «реальной историей», совпадающей с «реальным познанием» (самопознанием). Эмпирическая история, как поясняет это Гегель, стремится к необходимости только в некоторых своих состояниях, и только в этих состояниях она реальна, обращена к некоторой полноте историчности субъекта познания, осуществляющего себя в наличной (глубинно своей) перспективе духовно сущего. История науки тогда может быть представлена как «развитие научного сознания, т.е. сознания, движущегося в формах метода, и данного нам в форме научного слова («Феноменология духа» – в гегелевском смысле! Но не как метафизика духа, и не как теология, а как познание духа!)» (Шпет, 2010: 327).

Такая позиция открывает возможность исследовать научное знание в его исторической преемственности и некоторой структурно-герменевтической полноте и открытости. В перспективе своего деятельного целеполагания нормативно свободный субъект познания волен в полагании нового – того, что выходит за границы его субъективности, так или иначе ему известной. Это целеполагание предполагает и другое целеполагание, в наличном социальном контексте. Исследование такой социальной метапозиции в познании позволяет усмотреть преемственность в научном

познании уже с новым, онтологическим усилием, указывая на источник его «самодвижения». В гегелевском умозрении это связано с попыткой осознать меру различий в социально тождественном субъекте познания, вплоть до их принципиальной противоположности, взаимного отрицания, «борьбы» и взаимопроникновения. Здесь интересны не некие мифопоэтические интонации, которые легко уловить в гегелевской онтологически ориентированной теории познания (особенно усиленные в русских переводах), а в самом историзме онтологически понимаемого социального. Это историзм, не сводимый к некоторой рационально-догматической индивидуальности субъекта познания; напротив, он создает возможность для уточнения незримых условий работы научных сообществ, способов содержательно-социального различения научных интересов, их фрагментации и пр.

Так можно уточнять и процессы, в ходе которых воссоздается системное целое науки в ее исторической преемственности. Эта динамика науки может быть представлена в сложных, нелинейных моментах «отрицания» прошлого и самой истории, «самоотрицания», через осознание уникальности всего, что происходит в некоем диалектико-социальном коловращении непредсказуемого исторического закона, который в себе самом содержит свою меру. Развитие познания, будучи в своих истоках и эмпирическом полагании существенно разнонаправленным, обнаруживает, по Гегелю, свою направленность как некую *ритмику* самодвижения. Начинаясь в единстве демонстрируемых и осознаваемых различий, оно не может не возвращаться к своим основаниям, которые не остаются тождественными сами себе в ритмической полноте разрешающихся противоречий, отрицаний, количественных кризисов и качественных переходов. Познавательная преемственность в этом контексте является развитием определенного содержания целого, возвращающегося к себе как своему иному. Необходимое и свободное начала активизма ученого как субъекта познания

здесь сливаются в акте творческого самопроявления – по Гегелю, в результативной объективации или онтологизации «мирового духа», который тем самым «господствует» над ним и полагает границы его познавательной деятельности.

Предельным образом осознать познание означает осознать саму деятельную границу коренящихся в нем различий, распознать за этой границей то, что удалилось от нее безвозвратно и тем самым смертельно деградировало. Но сам граничный характер творческого генезиса познавательного опыта (со всеми сопутствующими обстоятельствами) не оставляет шансов «осознать» творчество. Будучи необходимым, оно неподконтрольно сознанию; сознанию доступна только идея, объективирующая творческий акт; свобода незрима, непосильна для какого бы то ни было умозрения. Теоретическое целеполагание, которое не обладает мерой для понимания своего масштаба, а только разделяет и применяет его, оказывается слепым по отношению к его непрременной новизне. Впрочем, при всем богатстве познавательных перспектив, которые открывает гегелевская диалектика преемственности, надо признать, что преемственность здесь имеет вид *передаваемой* полноты духа, его общих смыслов, и существенно ограничивает реального субъекта познания, поскольку с самого начала отторгнута от него именно как некая, пусть и глубинная, традиция. За субъектом познания – реальный человек. Идеи, организующие пространство познания, сохраняют в себе и непередаваемую человечность – то конкретное содержание, ради которого действует человек в экзистенциальном облачении субъекта познания. Только в отношении к полноте человеческого существования обретает смысл вся онтологическая стилистика Гегеля (как перед тем трансцендентальные настроения Канта и др.). Без учета реального человека познавательная преемственность вырождается в схоластику, «историческая необходимость» обесмысливается, а преемственность становится скорее фигурой речи,

нежели методологическим условием эффективного научно-теоретического познания.

В XX веке историзация познания оказалась в центре внимания самих ученых, которые рассматривали преемственность в качестве важнейшей ценностной культурно-исторической установки. Вернадский писал: «...история человеческой мысли и творчества, в частности история науки, философии и техники, являются не только областью знания, имеющей огромное значение для выявления истины, ее изучение необходимо и для правильной оценки современного знания и техники, и для создания столь необходимой, особенно у нас, преемственности научного творчества, осознанности значения и непрерывности научной работы в определенной, имеющей корни в научной мысли страны, области. В то же время изучение этих дисциплин духовной жизни человечества является желательным и потому, что оно неизбежно единит вместе всех разрозненно работающих специалистов как в области чистого, так и всех отделов прикладного знания. Такое общение на общей работе само по себе является крупным достижением в культурной жизни страны» (Вернадский, 1988: 266). Тот же самый поворот к историзации науки мы наблюдаем и у Шпета, который «демонстрирует, что история научного сознания не есть лишь цепь исторически меняющихся оснований, но пытается найти внутри этих оснований преемственность. Он показывает, что проблема дифференциации (различения) оснований научного исследования – проблема историческая по своей сути. Шпет не столько ищет в истории науки дополнительный для последующего конструирования эмпирический материал, свидетельствующий об относительности всех критериев и границ научного знания, сколько демонстрирует реальное единство проблемных ситуаций, с которыми сталкивается философ-методолог при исследовании процесса становления знания» (Щедрина, 2010: 10).

Вывод, к которому я пытался подвести моими рассуждениями, состоит в том, что история лежит в основании научного знания, а потому она должна входить в программу любого современного исследования. Фактически это первое требование, которое сегодня должен предъявлять ученый к самому себе, а менеджер программ к участникам разработок. Историзм – это и есть внутриметодологическая рефлексия, это осознание преемственности в науке, опираясь на которую ученый может преодолеть возрастающую ныне фрагментацию предметности. И еще я хочу добавить к этой формуле: необходимость исторического взгляда в научном познании носит ценностный характер, преемственность принимается как ценность, она выбирается как экзистенциально значимое решение; это – не слепое следование традиции, это выбор, ибо история вообще есть результат сознательных усилий и выбора. Иначе это – не история.

Литература

- Вернадский, В.И. О необходимости создания комиссии по истории науки, философии и техники // Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988. С. 266–268.
- Вернадский, В.И. Мысли о современном значении истории знаний // Вернадский В.И. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / сост. Г.П. Аксенов. М.: Современник, 1993. С. 538–555.
- Гегель, Г.В.Ф. Сочинения. В 14 т. Т. VIII: Философия истории. М.; Л.: Соцэргиз, 1935.
- Декарт, Р. Начала философии // Декарт Р. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1950. С. 409–544.
- Пронских, В.С. Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 88–92.
- Пружинин, Б.И. Преемственность и диалектика исторической деятельности // Проблемы материалистической диалектики как теории познания. Очерки теории и истории. М.: Наука, 1979. С. 321–355.

Пружинин, Б.И. «Коллективный субъект» в научной традиции (философско-методологические заметки) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2. С. 105–110.

Шпет, Г.Г. Конспект курса лекций по истории наук // Шпет Г.Г. Философия и наука. Лекционные курсы / отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 323–340.

Щедрина, Т.Г. Густав Шпет как философ науки: опыт антидогматического преподавания // Шпет Г.Г. Философия и наука. Лекционные курсы / отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 7–16.

Galison, P. (2003), “The Collective Author”, Galison, Peter, Biagioli, Mario (ed.), *Scientific Authorship: Credit and Intellectual Property in Science*, Routledge, New York and Oxford, 325–353.

References

Descartes, R. (1950) “Principia philosophiae”, in Descartes, R. *Izbrannyye proizvedeniya*, Politdat, Moscow, Russia, 409-544 (in Russ.).

Galison, P. (2003), “The Collective Author”, Galison, Peter, Biagioli, Mario (ed.), *Scientific Authorship: Credit and Intellectual Property in Science*, Routledge, New York and Oxford, 325-353.

Hegel, G. W. F. (1935) *Filosofiya istorii* [Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte] Translated by Voden, A. M., Sotcekgiz, Moscow, Leningrad, Russia (in Russ.).

Pronskikh, V. S. (2018) ‘The collaboration of big science as a challenge to a transcendental subject’, *Voprosy Filosofii*, 5, 88-92 (in Russ.).

Pruzhinin, B. I. (1979) ‘Preyemstvennost' i dialektika istoricheskoy deyatelnosti’ [Continuity and dialectics of historical activity], in *Problemy materialisticheskoy dialektiki kak teorii poznaniya. Ocherki teorii i istorii* [Problems of materialistic dialectics as a theory of knowledge. Essays on theory and history], Nauka, Moscow, Russia, 321-355 (in Russ.).

Pruzhinin, B. I. (2019) «Kollektivnyy subiyekt» v nauchnoy traditsii (filosofsko-metodologicheskiye zametki) [The «collective subject» in scientific tradition: philosophical and methodological notes], *Humanities Research in the Russian Far East*, 2, 105-110 (in Russ.).

Shchedrina, T. G. (2010) Gustav Shpet kak filosof nauki: opyt antidogmaticheskogo преподаvaniya [Gustav Shpet as a philosopher of science: the experience of anti-dogmatic teaching], in:

Shpet, G. G. *Filosofiya i nauka. Lektzionnyye kursy* [Philosophy and science. Lecture courses], ed. T. G. Shchedrina, ROSSPEN, Moscow, Russia, 7-16 (in Russ.).

Shpet, G. G. (2010) Konspekt kursa lektsiy po istorii nauk [Lecture notes on the history of sciences], in: Shpet, G. G. *Filosofiya i nauka. Lektzionnyye kursy* [Philosophy and science. Lecture courses], ed. T. G. Shchedrina, ROSSPEN, Moscow, Russia, 323-340 (in Russ.).

Vernadsky, V. I. (1988) O neobkhodimosti sozdaniya komissii po istorii nauki, filosofii i tekhniki [On the need to create a commission on the history of science, philosophy and technology], in: Vernadskiy, V. I. *Trudy po vseobshchey istorii nauki* [Transactions on the general history of science] Nauka, Moscow, Russia, 266-268 (in Russ.).

Vernadsky, V. I. (1993) Mysli o sovremennom znachenii istorii znaniy [Thoughts on the modern significance of the history of knowledge], in: Vernadsky, V. I. *Zhizneopisaniye. Izbrannyye trudy. Vospominaniya sovremennikov. Suzhdeniya potomkov* [Biography. Selected Works. Memoirs of contemporaries. Judgments of posterity] Sovremennik, Moscow, Russia, 538–555 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пружинин Борис Исаевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва 109240; главный редактор, журнал «Вопросы философии», Нахимовский пр., д. 47, Москва 117418, Россия; prubor@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Boris I. Prizhinin, Doctor in Philosophy, Main Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; Editor-in-Chief of the Journal “Voprosy Filosofii”, Journal of Philosophy, 47 Nakhimovsky prospect, Moscow 117418, Russian Federation; prubor@mail.ru